

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ НА ОРЕНБУРГСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1-Й ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

© 2017

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции развития внешней торговли Российской империи с ханствами Средней Азии в первой четверти XIX века. Установлено, что длительное время азиатской таможенной политике на этом направлении Российское государство уделяло мало времени. Это объяснялось тем, что торговля с ханствами Средней Азии носила меновой и караванный характер. Сделан вывод о том, что руководители Оренбургского края – как военные, так и гражданские губернаторы – прилагали большие усилия к изменению этой ситуации и содействовали разработке специальных правил для развития внешней торговли в Оренбургском крае. Это способствовало существенному росту товарооборота. Доказано, что в первой четверти XIX века важнейшим элементом кризиса в развитии среднеазиатской торговли на оренбургском направлении являлось доминирование купцов из Средней Азии над российскими купцами в численном отношении. Однако министерство финансов в лице Е.Ф. Канкрин отказывалось запретить среднеазиатским купцам торговать на внутренних российских ярмарках, поскольку это привело бы к застою в торговле и росту цен на товары. Эта проблема для первой четверти XIX века оказалась неразрешимой, поскольку была связана с существующим в регионе геополитическим статус-кво. Она начала решаться только вместе с активным военным продвижением России в Среднюю Азию во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Оренбургский край; Российская империя; внешняя торговля; таможенная политика; Азиатский Комитет; Министерство финансов; кризис; Средняя Азия; Центральная Азия; Хивинское ханство; Бухарский эмират; Кокандское ханство; военные губернаторы; гражданские губернаторы; купцы; геополитика; аккультурация.

В деле укрепления и расширения торговых отношений с ханствами Средней Азии Оренбургскому краю изначально отводилась особая роль. Эта тенденция прослеживалась с XVIII в. Одной из причин тому было местоположение края: с одной стороны Оренбургская губерния граничила с Волгой, с другой – был выход к устью рек Сыр-Дарья и Амур-Дарья. Подтверждением тому, что на Оренбург возлагались большие надежды в плане налаживания экономических связей со Средней Азией, служит замечание симбирского и уфимского генерал-губернатора Апухтина (1782–1784 гг.), содержащееся в донесении в Государственную коллегию иностранных дел: «Торг там с начала построения города Оренбурга для того наипаче и учрежден, дабы все азиатской стороны купцы с товаром тамошнего продукта, также с золотом, и серебром, с камнями сюда приезжали, и торг производили... причём они не только в обиде охраняются, но и во всяких случаях по справедливости защищаются, что могут хану их свидетельствовать бывшие в Оренбурге для торгу купцы их» [1, с. 114].

Со второй половины XVIII в. в Оренбурге бурно развивалась меновая торговля со среднеазиатскими странами. И.И. Неплюев доносил в Сенат о том, что в Оренбург прибывали богатейшие бухарские и хивинские караваны. Только одного персидского серебра одновременно ввезено 418 пудов и 22 фунта, «...и так как привозных туда из России товаров только на 14000 руб., из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то, по просьбе русских купцов, принужден дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своем коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтобы как можно скорее еще доставить нужных товаров в Оренбург; сверх того писано в Казань, чтобы та-

мошные купцы спешили туда же со своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отохочены от приезда в Оренбург в большом числе» [2, с. 26].

Центральная власть способствовала такой активности, введя особые тарифные и таможенные правила для Оренбургского края.

Долгое время азиатской таможенной политике государство уделяло мало времени. Это объяснялось тем, что торговля с азиатскими государствами носила меновой и караванный характер. Не было и единого Азиатского тарифа: для Оренбурга и Троицка действовал один тариф, для Астрахани – другой [3, с. 100–101]. В первой половине XIX в. в состав азиатской таможенной границы вошли следующие участки: 1) по Каспийскому морю (Астрахань, Дербент, Баку); 2) по сухопутной границе (Гурьев, Оренбург, Троицк, Семипалатинск, Петропавловск и др.); 3) по торговле с Китаем в Восточной Сибири – район Кяхты; 4) по торговле с Грузией – Тифлис [4, с. 47].

Оренбургские гражданские и военные губернаторы не оставались безучастными к проблемам торговли со Средней Азией, напротив, они прилагали большие усилия к тому, чтобы и государству, и краю была выгодна эта торговля.

Так, в 1823 г. оренбургский военный губернатор П.К. Эссен подготовил для министерств финансов и иностранных дел записку об «устройстве заграничной торговли Оренбургского края на прочном основании». В данном документе подчеркивалось: «Предметом особенных забот и попечений моих всегда было расширение здешней заграничной торговли. Успех ее сначала служил мне наградою трудов; и я надеялся усилиями своими постепенно вести ее к состоянию, цветущему». Но, как отмечал П.К. Эссен,

торговля эта стала разоряться [5, с. 44]. Военный губернатор видел пути решения проблемы в том, чтобы охранять караваны, организовывать вооруженный конвой и купить собственных верблюдов. Но это только первый шаг, следующий – учредить торговую компанию. П.К. Эссен разъяснял: «Единство управления делами поставит компанию в состояние распространить торговлю, сосредоточить мену киргизскую, дать торговле вообще направление выгоднейшее для отечества и мерами торговыми произвести больше пользы, нежели можно ожидать от запрещений и стеснений». Далее шло еще одно предложение – открыть судоходство по Сыру, Аму и Аральскому морю, обосновать колонию при Сыр-Дарье, обнести ее глиняной стеной. Это было бы началом основания «цветущего города», возможностью делать безопасным и выгодным подвоз хлопчатой бумаги и других колониальных товаров, в которых нуждалась Россия. П.К. Эссен считал, что предложенное даст «возможность обратить индийский торг к нашим пределам» [5, с. 45].

Оренбургский военный губернатор разработал и проект «Правил Оренбургской азиатской компании на 30 лет». В проекте предусматривалось, что компания должна получить исключительное право граничной торговли по Оренбургской линии, начиная от Звериноголовской крепости до Каспийского моря; капитал компании – 6 млн. рублей; преимущественное право давалось тем купцам, которые ранее участвовали в среднеазиатской торговле через Оренбургский край и понесли убытки в этой торговле. Предусматривалось, что компания только в крайних случаях прибегала к посредникам, в основном же товары должны были поставляться из первых рук. Купцам давалось право выписывать товар из-за границы; комиссионерам предлагалось торговать за свой счет теми товарами, которые не входили в круг оборотов компании; компания обязана была заводить фабрики и заводы; заводить в степи между Сыром и Уралом посевы хлопчатника, строить караван-сарай, а также другие учреждения.

Предполагалось, что компания будет находиться под строгим контролем оренбургского военного губернатора, отчитываться перед ним, в случае каких-либо трений решать вопросы на уровне министра финансов, ежегодно подавать отчет генерал-губернатору, публиковать его. Все действия компании должны были доставлять государству пользу.

В марте 1824 г. П.К. Эссен дождался ответа от Азиатского комитета по поводу представленного проекта. Ознакомившись с представленными документами, Азиатский комитет прореагировал следующим образом. В принципе он согласился с идеей создания купеческой компании, но, вполне обоснованно, указал на долговременность этого начинания в силу инертности российского купечества, его разобщенности. Комитет пришел к выводу: снарядить вооруженный конвой при караванах и широко известить об этом как русских, так и залинейных и азиатских купцов [6, с. 103].

Купцы с воодушевлением встретили эту инициативу и 2 ноября 1824 г. из Оренбурга, Троицка и Орской крепости вышли купеческие караваны в Бухару. К январю караваны соединились. Это было грандиозное предприятие: караван состоял из 1777 верблюдов, гнали 40 тыс. баранов.

Но каравану не суждено было дойти до Бухары. На него напали разбойничьи племена и хивинские войска. В течение 13 дней караван сражался, а затем был вынужден вернуться в Оренбург.

Купцы понесли значительные потери. Московский купец А. Кайдалов, потеряв 400 тыс. рублей, обратился в Азиатский комитет за помощью. Частично просьба была удовлетворена. В Комитет обратились и другие купцы. Они были родом и из Центральной России, и из Оренбурга, и из Средней Азии. В определенной степени их просьбы были учтены, и ¼ часть потерь возмещена государством [7, с. 48].

Российско-хивинские отношения, таким образом, вошли в режим жесткой конфронтации. И только благодаря Азиатскому комитету, предпринявшему ряд мер, напряжение было снято.

В мае-июне 1824 г. Азиатский комитет провел ряд заседаний, на которых анализировались обстоятельства разграблений российских торговых караванов, действия как хивинской, так и российской стороны. Выводы были сделаны следующие: руководство Оренбургского края воспринимало хивинского хана как опасного врага, стремившегося покорить Малую орду и покушавшегося на целостность границ самой Империи. Комитет настаивал на том, чтобы внешнеполитическое ведомство донесло до хивинского князя непричастность правительства к тем арестам, что имели место быть.

Однако нельзя говорить только о напряженности в отношениях двух государств. В то же самое время между Россией и Хивой шел оживлённый переговорный процесс по основополагающим вопросам межгосударственного сотрудничества.

Но даже после разбоя с караваном и выплаты убытков, Азиатский комитет не снял с повестки дня вопрос об учреждении компании, где, по убеждению П.К. Эссена, преимущественное право должны были получить местные купцы Оренбургского края. Но проект подвергся критике со стороны министра финансов Е.Ф. Канкрин. Он считал слишком затратным доставку из Бухары тех же кофе и сахара. Не одобрил предложения о преимущественном праве оренбургских купцов, постройку фабрик и заводов расценил как ничем не подкрепленное предложение. Торговля национальными товарами также ставилась под сомнение. Тем более критические отзывы уже имелись. Так, чиновник Оренбургской таможни Звенигородцев в 1825 г. представил свои «Замечания о торговле с азиатцами». Автор «Замечаний» предостерегал: «Мысль, что с безопасностью путей азиатская торговля распространится через обращение сюда богатств, прилегающих к Бухаре Кабула и Бадахшана, также Кашемира и Индии, едва ли основательна: ибо не только сами жители сих стран никогда не торговали в здешнем краю, но и бухарцами привозилось изделий их сюда весьма в малом количестве, и то очень редко, исключая кашемировых шалей, по предмету своему едва ли заслуживающих заботливость правительства» [8, с. 36–37].

Урегулированию вопросов двусторонней торговли с Бухарой, Хивой и Кокандом также уделялось много внимания. Для этого в ханства направляли отдельных лиц и целые экспедиции. Так, в 1813 г. в Коканд был направлен поручик Филипп Назаров. Ре-

зультаты миссии нашли отражение в изданных им в 1821 г. «Записках». Автор сообщал о том, что в столице ханства очень развито ремесло, широко представлена базарная торговля. Описывались города Андижан, Наманган, Ташкент.

В 1820 г. в Бухару была направлена дипломатическая миссия во главе с А.Ф. Негри. В составе миссии находился капитан Генерального штаба Е.К. Мейендорф, который подготовил много ценных материалов. В своем «Путешествии из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорф дал анализ того, какие особенности необходимо учитывать, налаживая торговые отношения со Средней Азией [9, с. 120]. Для активизации торговых оборотов оренбургским и сибирским купцам II и III гильдии на пять лет было предоставлено право заграничной торговли (до этого такое право было только у купцов I гильдии) [10].

С 1 января 1826 г. азиатским купцам позволили вести оптовую торговлю на внутренних российских ярмарках. Для этого следовало уплатить гильдейские подати и получить купеческие свидетельства, т.е. точно так, как и российским купцам. Те же азиатские купцы, которые по каким-либо причинам не делали этого, могли вести оптовую торговлю по таможенной черте в течение одного года. Далее следовало «брать торговые свойства». Это касалось и розничной торговли. В Оренбурге пределы таможенной черты ограничивались таможенной и Меновым двором.

Этими мерами российская власть пыталась создать режим благоприятствования для купцов-соотечественников и оградить от конкуренции со стороны азиатских купцов. Тем не менее оставалось фактом то, что почти вся торговля осуществлялась через азиатское купечество.

Таким образом, к началу 2-й четверти XIX века среднеазиатское направление внешней торговли России испытывало внутренний кризис, вызванный доминированием среди купцов представителей ханств Средней Азии. Именно поэтому впоследствии, в середине XIX века, российские купцы вышли с решительным требованием к правительству: добиться от Бухары, чтобы та признала равенство прав российских и местных купцы, а также ввести запрет на торговлю азиатских купцов на внутренних российских ярмарках. Однако министр финансов Е.Ф. Канкрин, выступая на заседании Азиатского комитета, не согласился с предложением запретить среднеазиатским купцам торговать на внутренних российских ярмар-

ках. Это привело бы к застою в торговле и росту цен на товары. Что касается уравнивания прав, то Бухара не шла на это. Поэтому было решено оставить все как есть. Эта проблема начала решаться только вместе с активным военным продвижением России в Среднюю Азию во второй половине XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кушпаева А.Б. О «Проекте Устава товарищества для развития торговли со Средней Азией» С. Хрулева (по материалам Оренбургской губернии) // Оренбургский край как историко-культурный феномен: Восьмые Большаковские чтения: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 112–115.
2. Иофа Л. Великий торг // Любовь и Восток. М.: Русский Дом, 1994. С. 21–26.
3. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. (1800–1917 гг.). М.: Политиздат, 1950. 187 с.
4. Солонченко Е.А. Таможенная политика на Юго-Востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 215 с.
5. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.–Л.: Политиздат, 1949. 212 с.
6. Шкунов В.Н. Самарское Заволжье и Южное Приуралье на путях континентальной торговли со странами Азии в XVIII – первой половине XIX в. Ульяновск, 2013. 318 с.
7. Михалева Г.А. Из истории торговли среднеазиатских ханств хлопковым сырьем (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 8. С. 47–51.
8. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии // Русские путешественники в странах Востока. М.: Наука, 1968. С. 15–47.
9. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 264 с.
10. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 407 об.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках проекта РНФ «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма», проект № 17–18–01008.

CRISIS PHENOMENA IN CENTRAL ASIAN DIRECTION DEVELOPMENT OF RUSSIAN FOREIGN TRADE IN THE ORENBURG DIRECTION IN THE 1ST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

© 2017

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, doctor of historical sciences, head of Russian History Department
Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The paper contains analysis of development tendencies of the Russian Empire foreign trade with Central Asian khanates in the first quarter of the 19th century. The authors found that the Russian State didn't pay much attention to the Asian customs policy in this direction for a long time. It was due to the fact that the trade with Central Asian khanates was of exchange and caravan character. The author came to the conclusion that the heads of the Orenburg Region – military and civil governors – made great efforts to change that situation and made special rules for the foreign trade development in the Orenburg Region. It promoted commodity turnover increase. The author proved that in the first quarter of the 19th century the most important element of Central Asian trade development crisis in the Orenburg direction was the fact that merchants from Central Asia dominated Russian merchants in the

numerical ratio. However, the ministry of finance and E.F. Kankrin refused to forbid Central Asian merchants to trade at internal Russian fairs as it would result in stagnation in trade and would make prices for goods higher. This problem for the first quarter of the 19th century couldn't be solved as it was connected with the geopolitical status quo existing in the region. It only started to get solutions with an active military advance of Russia to Central Asia in the second half of the 19th century.

Keywords: Orenburg Region; Central Asia; Russian Empire; foreign trade; customs policy; governors; Asian Committee; Ministry of Finance; crisis; Central Asia; Central Asia; Khivan khanate; Bukhara emirate; Kokand khanate; military governors; civil governors; merchants; geopolitics; acculturation.

УДК 94(47)"1831"+323.311.3

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОСЛОВИЯ ОДНОДВОРЦЕВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В 1831 ГОДУ

© 2017

Трояновский Константин Вадимович, аспирант Аспирантской школы по историческим наукам
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируется ход проектирования сословия однодворцев западных губерний, которое предполагалось сформировать из мелких шляхтичей, не доказавших своего дворянства. Автор исследует обстоятельства подготовки законопроекта о шляхте в Комитете по делам западных губерний, уделяя особое внимание дискуссии между гродненским губернатором М.Н. Муравьевым и членами Комитета по вопросу о способах перевода мелкой шляхты в податные категории населения. Если Муравьев настаивал на приписке шляхтичей к уже существовавшим податным «обществам», то Комитет высказывался в пользу создания из них отдельного сословия. Сложившаяся в России система сословий предопределила место не признанных во дворянстве шляхтичей в социальной иерархии империи. Члены нового сословия по своему юридическому статусу («состоянию») должны были войти в широкую категорию «свободных обывателей».

Несмотря на идентичность выбранного для нового сословия названия, однодворцы великороссийских губерний не стали для него моделью, поскольку сохраняли ряд исторически сложившихся особенностей, которые не согласовывались с формами, ставшими к XIX в. обязательными для податных сословий.

Важной чертой проектирования сословия западных однодворцев был подбор чиновниками – разработчиками законопроекта таких языковых средств для публичных актов, которые бы не задевали шляхетского достоинства их адресатов.

Ключевые слова: Российская империя; сословия; однодворцы западных губерний; мелкая шляхта; мелкое дворянство; «свободные обыватели»; Комитет по делам западных губерний; Николай I; Е.Ф. Канкрин; М.Н. Муравьев; Западный край; «польские» губернии; имперская политика; социальный статус; сословные права и привилегии.

По итогам разделов Речи Посполитой в конце XVIII столетия в пределах Российской империи оказалось около 250 тысяч дворян исчезнувшего государства [1, с. 158, 163, 164]. Польско-литовское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное его большинство составляла безземельная шляхта, представители которой занимались хлебопашеством и садоводством на арендуемых участках, ремеслами, службой по найму в помещичьих домах и экономиях, в местечках и городах. При Павле I и Александре I правительство придерживалось в отношении старопольского дворянства политики статус-кво.

Вопросы истории шляхты в Российской империи плодотворно разрабатываются историками Белоруссии, Украины, Литвы и Польши (Современную историографию см. в: [2, с. 943–970; 3, с. 7–8]). Однако в их работах не уделяется практически никакого внимания особенностям сословного строя империи, которые влияли на формирование государственной политики в отношении речьпосполитского нобилитета. В историографии нет специальных работ, посвященных подготовке указа 19 октября 1831 г. о создании сословия граждан и однодворцев западных губерний. Советский историк В.И. Неупокоев был, пожалуй, единственным исследователем, который кратко из-

ложил существо проектов преобразования мелкой шляхты 1824–1831 гг. и обратил внимание на разногласия, возникшие в высших правительственных кругах при обсуждении этого вопроса [4].

Одним из дискуссионных вопросов историографии является роль государства в формировании и развитии сословий в России [5, с. 77–78; 6, с. 9]. Рассматриваемый в настоящей статье сюжет может быть интересен как пример того, как власти «конструировали» совершенно новую социально-правовую категорию с предназначенным ей местом в имперской сословной иерархии.

После польского восстания 1830–1831 гг. задача решения шляхетского вопроса была возложена Николаем I на созданный в сентябре 1831 г. специальный Комитет, который известен в историографии как «Комитет (по делам) западных губерний» [7] (далее – КЗГ). Сам факт создания подобного органа, в состав которого вошли ключевые министры, и поручение ему незамедлительно заняться вопросом о шляхте свидетельствовали о выдвижении этой проблемы в глазах самодержца на первое место по своей приоритетности.

22 и 28 сентября 1831 г. прошли два заседания Комитета, которые были полностью посвящены рассмотрению вопроса о мелкой шляхте [8, л. 11–43 об.]. На обсуждение было представлено несколько